

Сквозь окна, в которых еще не успели вставить стекла, видно было, как сгущаются ночные сумерки. Небо затянули тяжелые тучи, и разразился проливной дождь.

Вспышка молнии осветила пустырь, на миг явив миру всё, что там находилось.

Она же позволила рассмотреть профиль молодого человека.

Он смотрел на жертву, привязанную к столбу, с таким видом, словно перед ним был мертвец. Его руки в перчатках сжимали тяжелый молот. Сам он выглядел несколько потрепанным от дождя, но, судя по тому, что волосы не были мокрыми до нитки, он находился внутри здания уже довольно давно — вероятно, дожидаясь, пока пленник придет в себя.

Связанный был чуть старше парня, на вид ему едва исполнилось двадцать. Придя в себя и осознав, где он и с кем, пленник начал издавать невнятные звуки через кляп.

Молодой человек не проявил особого интереса. Он подошел, присел на корточки и вытащил кляп.

— Отпусти меня, отпусти! Мой отец — Ху Дунда! Крупный предприниматель и филантроп нашего города! Он даст тебе кучу денег! Только не убивай, не...

Парень на мгновение улыбнулся, но улыбка тут же исчезла — было видно, что она не отражала никаких искренних чувств.

— Избавил меня от лишних расспросов.

Он опустил взгляд на запыленный пол, словно настраиваясь на что-то, затем, упершись руками в колени, резко выпрямился и, не давая жертве опомниться, со всей силы обрушил молот на землю прямо перед привязанным.

Пленник издал душераздирающий вопль, который тут же утонул в раскате грома.

Оператор двинулся следом, снимая снизу вверх лицо парня, совершающего насилие: безразличное, но в то же время пугающе сосредоточенное. Его безразличие заключалось в том, что он словно не видел страданий жертвы, а сосредоточенность выдавала полную увлеченность процессом, будто он занимался чем-то крайне интересным.

Это создавало жуткий контраст между его миловидной внешностью и тем, что он творил.

Вопли становились тише, переходя от проклятий к мольбам о пощаде.

— Снято!

Как только режиссер скомандовал, на площадку вынесли реквизит. Положили бутафорскую ногу с раздробленными костями для крупного плана, гримеры принялись наносить на лицо жертвы следы тяжелых увечий и разбрызгивать искусственную кровь.

Всё это время Гу Синчи не сводил глаз с «жертвы», даже молот не выпустил из рук.

От одного взгляда на него становилось не по себе. Но все понимали: актер вошел в образ. Входить в состояние нелегко, и никто не осмеливался мешать, боясь, что потом он будет долго настраиваться заново.

Когда всё было готово к съемке, режиссер засомневался, сжимая в руке рацию.

— Так, Синчи, будь осторожен, не ударь человека по-настоящему.

Он боялся, что парень может в самом деле применить силу.

Гу Синчи кивнул, продолжая сверлить взглядом обессиленного пленника, а затем легко и едва заметно улыбнулся.

Если бы не мрачные декорации недостроя в ночи, эта улыбка смотрелась бы вполне по-весеннему. Именно этот контраст вызывал мороз по коже.

— Стоп! — крикнул режиссер. — Сяо Гу, ты слишком тонко играешь маньяка. Нам нужен подтекст, но не настолько глубокий, чтобы зрители гадали, что к чему. Фильм рассчитан на разную аудиторию.

Пэй Юанье шумно выдохнул, но промолчал. На его взгляд, улыбка была отличной — она идеально передавала психическое нездоровье персонажа. Он никак не ожидал, что режиссер захочет сделать это более явно. Но вмешиваться в процесс он не мог. Пэй Юанье напомнил себе, что он здесь не режиссер, и ему стоит следить за собой.

Гу Синчи снова кивнул, и съемку возобновили.

Молодой человек посмотрел на человека с переломанными конечностями, окинул его взглядом, словно любясь произведением искусства. Жертва получила множественные переломы и не могла пошевелиться, но парень намеренно избегал жизненно важных зон, вроде головы, чтобы человек оставался в сознании и продолжал испытывать адскую боль.

Налюбовавшись, Гу Синчи наклонился, одарив пленника возбужденной улыбкой: глаза, как и прежде, были широко распахнуты, но уголки губ растянулись, обнажив восемь зубов. Если

закрыть нижнюю часть лица, в глазах нельзя было прочесть ни капли веселья — в этом и заключалась вся странность его улыбки.

— Я человек добрый, хочу, чтобы ты умирал с ясным пониманием. Всем, что с тобой случилось, ты обязан Ху Дунде.

Заметив, как пленник приподнял веки, он понял, что тот его услышал. Парень впился в него взглядом и склонил голову набок.

— Твой отец в молодости натворил немало зла. Делал гадости и тут же жертвовал деньги, прикрываясь благотворительностью — забавно, не правда ли? Но карма есть карма: возмездие настигло его сына, так что всё по справедливости.

Говоря это, он заботливо стер перчаткой кровь с уголка рта жертвы. Этим жестом он подчеркнул ненормальность мышления своего героя.

Затем он стер улыбку, отбросил молот и, игнорируя слабые протесты пленника, принялся развязывать веревки, которые успели врезаться в кожу до крови во время борьбы. Он был полностью поглощен своим делом, а жалобный шепот жертвы стал для него лишь фоновым шумом.

Молодой человек потащил пленника за воротник к лестнице, где еще не были установлены перила.

— Стоп!

На площадке заменили актера на манекен, чтобы вес стал подъемным. Пэй Юанье, не отрываясь, смотрел на монитор режиссера, наблюдая, как парень шаг за шагом тащит тело на крышу. Камера снимала сверху, фиксируя их приближение к краю.

Пора сбрасывать.

Объектив, высунутый из окна этажом ниже, снимал снизу вверх, фокусируясь на Гу Синчи, который показался на краю крыши. Молодой человек сжимал воротник жертвы, глядя сверху вниз на жизнь, которую он сам же и прервал. Его взгляд, лишенный тени сострадания, и сжатые губы ясно говорили о его безжалостности.

Даже самый привлекательный человек в такой обстановке начинал внушать ужас.

Когда он разжал пальцы, в небе позади него сверкнула молния, озарив ночной небосвод. А он, с ледяным выражением лица, продолжал стоять, глядя на свой шедевр внизу.

В его холодном взгляде не было ничего, кроме презрения, словно он смотрел на никчемную травинку.

Ливень не утихал. Убийство было совершено.

— Снято! Режиссёр в восторге вскочил со своего места, не в силах сдержать ликование, и принялся жестикулировать.

— О! О! Превосходно! Эта сцена превзошла все мои ожидания! Быстрее, быстрее, пусть «жертва» занимает позицию внизу, снимаем труп общим планом сверху!

Пэй Юанье не обратил внимания на дальнейшие съёмки; он поднял голову и посмотрел на лестничные пролёты, где уже не было ограждений.

Юноша, опустив голову, спускался вниз. Его помощник поспешно подбежал к нему, накинул на плечи тёплый плед и принялся вытирать дождевую воду с лица. Однако Гу Синчи никак на это не реагировал.

Окружающие сотрудники не стали к нему подходить, решив, что он ещё не пришёл в себя, а режиссёр был занят тем, что выставлял положение «трупа» и руководил съёмкой пустого кадра фасада здания.

Юноша стоял в углу, совсем один.

Пэй Юанье уточнил у режиссёра, не потребуется ли больше Гу Синчи для дальнейших кадров, и направился к нему.

— Сходи в машину, прими душ и переоденься в сухое.

Дорога обратно займёт сорок минут, негоже сидеть в мокрой одежде — простудишься.

Сказав это, Пэй Юанье сам удивился своим словам.

Неужели Фэн Цзинь так невнимателен к своему юному любовнику?

Невысокая помощница посмотрела на него, нахмурившись, но, помедлив пару секунд, согласилась с предложением. Она подошла к Гу Синчи, взяла его за руку и ласково произнесла:

— Пойдёмте, учитель Гу, нужно переодеться.

Гу Синчи позволил увести себя в сторону трейлера.

На этот раз Пэй Юанье проявил осторожность. Вспомнив, как сильно юноша переполошился, когда он случайно коснулся его ноги, он не стал возвращаться в тот же трейлер.

Вместо этого он остался рядом с режиссёром, дождался окончания съёмок финальных кадров, обсудил детали сцены убийства, и только когда площадку начали разбирать и все собрались уходить, вернулся к себе.

В трейлере юноша, только что принявший душ, сидел на диване с полотенцем на плечах. С его волос капала вода, а сам он молча смотрел в окно на дождливый пейзаж.

Пэй Юанье сел напротив, но Гу Синчи не отреагировал.

Пэй Юанье пришлось согнуть палец и пару раз постучать по журнальному столику.

Юноша наконец повернул голову. Его взгляд, лишённый всякого выражения, был наполнен лишь смертной тоской.

На какой-то миг Пэй Юанье показалось, что перед ним сидит тот самый мальчик-убийца из фильма.

Тот слегка опустил подбородок, глядя из-под бровей так, что были видны белки глаз.

Точь-в-точь непокорный волчонок.

После душа его лицо, напитанное влагой, казалось свежим и нежным, кожа — чистой и белой.

В этой жизни просто быть красивым — это тупик.

Именно поэтому мальчик из фильма, будучи в приюте, приглянулся филантропу Ху Дунда, который выбрал его, подверг насилию, а затем делился им с другими влиятельными людьми.

Лишь после этого его психика была искажена, и он встал на путь мести.

Трейлер тронулся с места, направляясь к отелю.

Яркий свет в салоне погас, сменившись приглушённым желтоватым светом ламп для чтения.

Пэй Юанье очнулся.

Окружающая обстановка была чистой и уютной, в воздухе витал приятный аромат, работал кондиционер — роскошь, недоступная героям фильма.

А его собеседник умудрился затянуть его в самую суть драмы.

Пэй Юанье на мгновение опешил. Он посмотрел на юношу, который, не мигая, следил за ним, и снова постучал по столу между ними.

— Съёмки уже закончились.

— Это была всего лишь одна сцена, не вся история, — Гу Синчи снова отвернулся к окну.

Пэй Юанье вспомнил, какое впечатление на него производил юноша, и решил прибегнуть к провокации:

— Ты не можешь вернуться в реальность?

— Не совсем так.

Как только юноша договорил, из его глаз вдруг выкатилась прозрачная, как жемчужина, слезинка.

Похоже, он и сам этого не ожидал.

Он озадаченно опустил голову, глядя на пятна воды, которые оставили слёзы на столе.

Этот жест заставил другие слёзы, скопившиеся в уголках глаз, сорваться вниз.

Кап-кап. Слёзы падали одна за другой, как порвавшиеся бусины.

Осознав, что плачет, Гу Синчи поспешно зажмурился и стёр слёзы ладонью.

Пэй Юанье наблюдал за этим с тяжёлым сердцем.

Впервые кто-то плакал перед ним по-настоящему, а не по сценарию.

Тонкие запястья, которыми юноша прикрывал лицо, казались такими хрупкими, словно их можно было сломать одним движением.

Честно говоря, это невольно пробуждало в мужчине желание защитить его.

Пэй Юанье удивился этой мысли.

Почему он, мужчина, хочет защитить другого мужчину?

В обычное время он бы потерял терпение, решив, что актёр просто не умеет контролировать своё состояние.

Может быть... может, раньше ему попадались только грубые актёры?

Нет, он работал и с нежными актрисами, которые в исторических драмах полагались на его защиту, но даже тогда он не испытывал ничего подобного.

Отбросив пока эти непонятные мысли, Пэй Юанье подавил в себе порыв опеки, отвёл взгляд от изящной ключицы юноши и сменил тему:

— Как тебе удаётся так глубоко погружаться в роль? У тебя есть какая-то особая методика?

Юноша опустил руки. Его влажные ресницы полуприкрывали глаза, в уголках которых застыла краснота — выглядело это так трогательно, что он стал казаться ещё красивее и живее, чем обычно.

— Просто изучил несколько реальных дел.

Голос юноши звучал холодно и отстранённо.

— В одном из недавних случаев девочку в школе домогался учитель. После подачи заявления его задержали всего на десять дней. Девочка оставила предсмертную записку и выпрыгнула из окна, чтобы привлечь внимание. Только тогда учителя отстранили от работы, но его просто уволили из одной школы и перевели в другую, где он продолжил жить как ни в чём не бывало.

Он посмотрел на Пэй Юанье.

— Посмотришь на такое побольше — и сам войдёшь в роль.

Это прозвучало так, будто он хотел сказать: чем больше ты видишь несправедливости в этом мире, тем сильнее понимаешь, что негодяи, избежавшие наказания, заслуживают того, чтобы их истребила рука правосудия.

В глазах юноши, в которых ещё стояли слёзы, читалась непреклонная решимость.

Вспышка молнии за окном на мгновение осветила его профиль.

Пэй Юанье понял: блестящая игра, которая удалась с первого дубля, была на самом деле яростью и выплеском гнева юноши на этот несправедливый мир.

В этот миг, глядя в его глаза, Пэй Юанье снова, сам того не осознавая, оказался захвачен драмой.

<http://bllate.org/book/21849/2265960>